

И в городе, и за его стенами он строил, как скупец. Надобно также сказать, поскольку это правда, что вначале у него не было столь больших планов и все делалось крайне необдуманно. Дабы получить место под постройку, он пожелал приобрести дом, на котором красовалась вывеска «Три девственницы». Поначалу он действовал по-хорошему и вел себя разумно; но горожаня, коему этот дом принадлежал, туго твердил, что, мол, дом этот — отцовское наследство. Кардинал в конце концов рассвирепел и, постыдно мсти владельцу, велел отнести его в налоговых списках к разряду зажиточных. После этого он получил дом, как того и добивался.

Как это видно из его завещания, он оставил Кардинальский дворец Дофину, дабы там жил он или хотя бы предполагаемый наследник Французской короны. Когда, вскоре после смерти покойного Короля, туда переселился Двор, его назвали «Пале Руаяль». ³⁵ Было весьма недешо изменить его название. В 1647 году г-жа д'Эгийон дождалась удобного случая и, объяснив, какой вред наносится тем самым имени ее дяди, добилась разрешения вернуть дворцу название «Кардинальский». В народе поговаривали, будто все дело в том, что Королева отдала сей дворец кардиналу Мазарини.

Г-жа де Рамбуисе сказала г-же д'Эгийон: «Сударыня, если бы Кардиналу угодно было обращаться с господином де Рамбуисе так же, как с его дворцом, он постарался бы придать его имени больше блеска». Услуга, которую г-н де Рамбуисе оказал Кардиналу, убедив Месье стать на его сторону в «День Одураченных», в самом деле того стоила.

Он обложил большим налогом и Барантена де Шарона, который не раз принимал его у себя в доме. Не то чтобы де Шарон этого не заслужил — он был очень богат, да и преглупо вел себя, подняв шум из-за какого-то свечного огарка, который прислонил к стене, где он закопчил невесть какую жалкую мазию; и не подумайте, что это было сделано с ведома Кардинала, который очень любил чистоту и никогда ничего не портил. Не было дома, который бы содержался с большей тщательностью и в большем порядке, нежели его собственный. Барантен был так глуп, что умер с досады, — вот до чего доходила его скупость и корыстолюбие. В оправдание Кардинала говорили, что два или три небольших недоразумения, вроде тех, какие произошли с Шароном, и нелюбезность некоторых из этих людей, не желавших уступить ему весь свой дом, хотя тот и не был слишком большим, дали Ришелье право обложить их налогом; а еще болтали, будто он опасался, как бы не стали кричать, почему де он щадит Барантена, когда люди с меньшим достатком и те должны платить. Однако в обществе к этому отнеслись неодобрительно.

В Рюэле, дабы сразу упомянуть о его зданиях, тоже нельзя найти ничего примечательного; но Кардинал вклялся тем, что городок расположен вблизи Сен-Жерменского замка. Что же до Сорбонны, то это несомненно прекрасное строение, но племянница Кардинала не заканчивает там ал-